

Книгина М. К. Тенишева

Впечатления моей жизни.

"Приехал к нам погостить Николай Константинович Рерих с женой, и я была им очень рада. Мы давно делали планы, как мы поедем на наши днепровские заливные луга, отстоящие всего верстах в десяти от Талашкина, куда мы всегда очень любили ездить пешником. Днепр в этом месте делает крутой поворот, образуя большую губу. С его высокого берега, частью покрытого старыми корявыми дубами, открывается здесь необозримая даль, необ'ятный простор. Воздух дивный, необыкновенной чистоты. Внизу чудное пространство зеленаго ковра. Человеческаго селения никогда не было на этих лугах. Часы, проведенные там, обыкновенно вливают в душу что то примиряющее, здоровое и бодрящее.

Ранней весной мы ездим туда собирать крупине, пахучие ландыши, растущие в изобилии лиловые ирисы и фиалки. Летом до косьбы пестреют всевозможные полевые цветы и нередко любуемся мы на целые выводки аистов, плавно кружящихся в голубом небе или важно разгуливающих по лугам.

Во время сенокоса приходят толпы баб из соседней деревни "Немкари", в живописных ярких костюмах, увешанных богатыми монистами, крестами, бусами и кораллами. Заднепровские деревни дольше сохранили свой наряд, и мне удавалось иногда во время наших поездок покупать у них фартуки, рубашки, старинных швейных украшения, которых они тут же охотно снимали с себя.

Все мои домашние очень любили луга, и каждая поездка была истинным удовольствием для всех. Ехали мы обыкновенно всем домом, на трех экипажах, а на тележке посыпались вперед люди с самоваром и чайными принадлежностями. Нагулявшись вдоволь, мы располагались на высоком мысу над рекой, под старым развесистым дубом и пили чай на траве, что всегда казалось особенно вкусным. Возвращались только поздно к обеду, насыщавшись и точно опьянев немногого от дивного воздуха.

Мы давно говорили Рериху о днепровских лугах и он был ими очень заинтересован, особенно как художник, одаренный тайными видениями, умеющий проникать ду-

2

ходным взглядом в далекую старину, редкий по богатству творческой фантазии. Ему эти луга наверно рассказали бы свою древнюю сказку, а он передал бы ее в каком нибудь вдохновением произведении с присущим ему талантом.

^В Я дано знала Рериха. У меня с Николаем Константиновичем установились более чем дружеские отношения. Из всех русских художников, которых я встречала в моей жизни, кроме Брунеля, это единственный, с кем можно было говорить, понимая друг друга с полуслова, культурный очень образованный, настоящий европеец, не узкий, не односторонний, благовоспитанный и приятный в обращении, незаменимый собеседник, широко понимающий искусство и глубоко им интересующийся. Наши отношения - это братство, сродство душ, которое я так ценою и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то многое в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного...

Мне хотелось оказать Николаю Константиновичу такой прием в Талашкине, чтобы оно ему понравилось, чтобы он полюбил его, и тем привлечь его еще больше к нам. Из чувства эгоизма мне хотелось, чтобы ему тут было хорошо, и втайне я надеялась, что когданибудь он с семьей поселился по соседству. Мне всегда не хватало общения с человеком, живущим одними со мной художественными интересами. Кроме того, Николай Константинович страсти археолог, а я всю жизнь мечтала с кемнибудь знающим покопаться в древних могильниках, открыть вместе страницу седого прошлого. Всякий раз, что я находила при раскопках какойнибудь предмет, говорящий о жизни давно исчезнувших людей, неизъяснимое чувство охватывало меня. Воображение уносило меня туда, куда только один Николай Константинович умел смотреть и увлекать меня за собой, воплощая в форму и образы те давно прошедшие времена, о которых многие смутно подозревают, но не умеют передать во всей полноте. Я зову его Балном и это произвиде к нему подходит. Он один дает нам картины того, чего мы не можем возстановить в своем воображении."

Тут к нам примкнул Николай Константинович Рерих.

Мне кажется, как особенно чуткий и тонкий, он только из дружбы ко мне, из желания облегчить мои первые минуты в Талашкине, вызвался сопровождать нас. Я только за-

бросила слово, а он откликнулся. Слово это - храм... Только с ним, если Господ приведет, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого. Дух Святой - сила Божественной духовной радости, тайною мощью и связующая и всеобъемлющая бытие... Какая задача для художника! Какое большое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества! Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Духа Святого уразумел. Амин.

Всю дорогу от Москвы до Талашкина мы горячо беседовали, уносясь планами и мыслью в безпределное. Святые минуты, благодатия...

Приехали второго июня. День был солнечный, веселый, природа и люди радостно приветствовали нас. Старые друзья, вековые дубы и липы, пышно нарядились в изумруды, да и все кругом было пышно, нарядно, будто вправду для нас и сирень благоухала, разросшись до небес.

Первое время тупая боль, заглушенные сомнения сменились успокоительной надеждой. Но скоро я поняла, чего боялась, садясь в Париже в поезд, отчего сжималось сердце, на душе скребло, отчего голос шептал: а что я увижу? что найду? Я поняла - с чем я когда то расталась и что нашла. Нашла кладбище. Мудреная цепь расковалась..

Рерих уехал, а с ним, как дым, разсейлось очарование.